

УДК 947.084.223

К проблеме расказачивания казаков-бурят в период установления диктаторского режима атамана Семенова (1918–1919)

И.Б. Батуева

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, ул. Терешковой 1, Улан-Удэ,
Республика Бурятия, Россия
i.batueva@mail.ru

Статья поступила 17.05.2018, принята 3.06.2018

В статье освещается процесс насильственного возвращения администрацией атамана Г. Семенова бурят-казаков из хошунов в казачье сословие в Селенгинском аймаке Бурятии в период временного падения Советской власти в Забайкалье в 1918–1919 гг. Подобными действиями преследовалась цель восстановления казачества для борьбы с большевиками и возвращения в станицу хошунных казаков-бурят. На практике это означало разрушение национального земства и лишение бурят права на национальное самоопределение.

Ключевые слова: казаки-буряты; Селенгинский аймак; Бурнацком; Бурнардума; атаман Г. Семенов; национальное движение; бурятская государственность.

To the problem of oppression of the Buryat Cossacks during the dictatorial regime of Ataman Semenov (1918-1919)

I.B. Batueva

East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
i.batueva@mail.ru

Received 17.05.2018, accepted 3.06.2018

The article highlights the process of forcible return of the Buryat Cossacks from the Khoshuns to the Cossack class in the Selenga aimak of Buryatia by the administration of Ataman G. Semenov during the temporary fall of Soviet power in Zabaikalye in 1918-1919. Such actions sought to restore the Cossacks for fighting with the Bolsheviks and return the Khoshun Buryat Cossacks to the stanitsa. In practice, this meant the destruction of the national zemstvo and depriving the Buryats of the right to national self-determination.

Keywords: Buryat Cossacks; the Selenga aimak; Burnatskom; Burnarduma; Ataman G. Semenov; national movement; Buryat statehood.

Период революционных событий 1917 г. в Бурятии до сих пор не изучен до конца, и остается много белых пятен в развитии исторического процесса в бурятских аймаках, руководимых Бурятским национальным комитетом (Бурнацком) в это переломное время.

Интересно и также малоизученно расказачивание бурят-казаков, предпринятое

администрацией атамана Г. Семенова (казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии, ярый противник Советской власти, расстрелян в 1946 г.) в период временного падения Советской власти в Забайкалье. Показателем накала политической борьбы являются события в Се-

ленгинском аймаке в 1918–1919 гг. В это время установившийся реакционный семеновский диктаторский режим начал проводить политику безоговорочного возвращения бурят-казаков из хошунов в станичные управления, а в перспективе — на службу для ведения военных действий в будущем.

На пути милитаристских устремлений атамана Г. Семенова встал Бурятский национальный комитет (Бурнацком, в конце 1918 г. был преобразован в Бурятскую народную Думу — Бурнардуму), который старался сохранить с трудом возникшую при Советской власти бурятскую национальную государственность в виде аймак-хошунсомон для всего бурятского населения, в том числе и бурят-казаков.

Драматичный процесс возвращения бурят-казаков в казачье сословие в Селенгинском аймаке в 1918–1919 гг. представляет определенный исторический интерес и требует углубленного изучения для лучшего понимания истории казачества России.

Летом 1918 г. в стране крайне обострилось политическое положение. После мятежа чехословаков, начавшегося 25 мая 1918 г., Советская власть в Сибири потерпела поражение. 20 августа был занят чехословаками и поддерживавшими их белогвардейцами Верхнеудинск, 25 августа — Чита.

Свержение Советской власти в Забайкалье и установление режима белогвардейцев, семеновцев привело к массовым репрессиям против сторонников Советской власти. В числе замученных и расстрелянных был и первый бурятский революционер Ц.Ц. Ранжуров, схваченный белогвардейцами в сентябре 1918 г.

В новой обстановке, в условиях смены политической власти, в Селенгинском аймаке в центре внимания по-прежнему, даже более остро, стоял вопрос взаимоотношений земских органов власти с казачеством.

Инициировал это обострение главный начальник Приамурского военного округа атаман Семенов. По его приказу № 64 от 14 сентября 1918 г. восстанавливались ранее упраздненные бурятские казачьи станицы. В некоторых местах власти переходили к

насильственным действиям по переводу бурят-казаков в станицы. Так, в октябре 1918 г. атаман 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска генерал Толстихин послал взвод казаков с двумя пулеметами и силой открыл Боргойское станичное правление [1, л. 202].

На основании приказа Семенова атаман Толстихин 30 сентября направил из Троицкосавска всем хошунным управам Селенгинского аймака срочное распоряжение о «немедленном восстановлении вновь станичных правлений со включением в станицы всех казаков бурят, ушедших в хошуны». Все казаки — буряты исключались из хошунов и передавались станицам [2, л. 62]. Одновременно Толстихин направил в адрес Бурнацкома в Читу телеграмму, в которой говорилось: «Настойчиво требую подтверждений аймачной (Селенгинской) Думе, хошунам категорического исполнения моих распоряжений [о] восстановлении порядка [в] станицах» [2, л. 65].

Эти документы показывают, что отныне с Бурнацкомом и местными бурятскими национальными учреждениями стали разговаривать только в приказном тоне, чего не было ни в период правления буржуазного Временного правительства, ни в советский период.

В этой обстановке Селенгинская аймачная земская управа 11 октября обращается в Бурнацком с просьбой «выяснить положение дела о существовании бурятского национального земства в связи с требованием об исключении из состава хошунного земства казаков бурят 1-го военного отдела». Бурнацком отбивает Селенгинскому аймаку успокоительную телеграмму о том, что приказ № 64 будет пересмотрен, что создается смешанная комиссия по делам арестов, убийств, что издан приказ о прекращении таковых, и чтобы обо всех подобных делах сообщали либо в Бурнацком, либо атаману.

Одновременно Забайкальская областная земская управа посылает телеграмму за подписью ее председателя М.Н. Богданова, в которой распоряжение о введении станичных правлений признавалось нарушением по-

становлений Временного правительства и 2-го казачьего съезда. В телеграмме говорилось о ходатайстве перед созданным взамен советских органов власти Сибирским правительством об отмене этого распоряжения, однако ответ, мол, не получен. Областная земская управа (Облземуправа) считала, что до решения этого вопроса правительством казачьи войска остаются в общем земстве, обладая правами и обязанностями остального населения области, в то время как распоряжения об их мобилизации остаются в силе [2, л. 69].

Сторонники восстановления казачества не ограничились письменными распоряжениями и указаниями и приступили к практическому осуществлению своих замыслов, начав борьбу против сторонников земства. Еще 29 сентября в Оронгойский хошун прибыл из Верхнеудинска семеновский офицер с четырьмя казаками. Он арестовал бывшего захиракчи (особый командующий, заведующий военным делом хошуна), казака Гарму Мадаганова, и секретаря хошунной управы Жалцана Цанкирова как провокаторов и большевиков и захватил хошунные документы и деньги. Затем Мадаганов был расстрелян на острове под Верхнеудинском, но выжил, получив тяжелое ранение.

Как писал по этому поводу председатель Селенгинского аймачного земства Б. Цыренжапов в Бурнацком 5 октября 1918 г., «Мадаганов и Цанкиров, подвергавшиеся при Советской власти гонению как земцы, как противники большевизма, теперь ими, казакоманами, обвиняются в большевизме, провокаторстве». Отмечалось, что названные лица являются людьми во всех отношениях честными, много лет служат общественному делу, состояли в хошунном земстве с самого начала его создания. В заключение автор делает вывод: «Подобными террористическими действиями преследуется очевидная цель: восстановить казачество, возвратить обратно в станицу хошунных казаков, тем самым разрушить земство и лишить бурят права на национальное самоопределение» [3, л. 136, 146, 147].

Подвергался в октябре 1918 г. аресту генералом Толстихиным, также в связи с этим вопросом, и председатель Селенгинской аймачной думы Бато Айсуев, который после допроса был отпущен с подпиской о невыезде [2, л. 97].

Аймачная управа 19 апреля 1918 г. телеграфировала в Читту, в Бурнацком: «Атаман отдела ... уже восстанавливает станицы, казаки хошунцы терроризированы, должностные лица, боясь расправы, угрозы военнопольным судом, оставляют должности [и в панике бегут]» [2, л. 101, 102].

29 октября 1918 г. Оронгойская хошунная земская управа обратилась в Центральный Бурятский национальный комитет с официальным письмом о положении в хошуне. В нем говорилось о том, что, несмотря на сообщение о направлении в аймак и хошуну смешанной комиссии для опроса бурятских казаков по вопросу о восстановлении бурятских станиц, повсеместно на местах разъезжает отряд по восстановлению казачества и угрожает наказанием всем противникам казачества по законам военного времени.

В связи с этим казачье население поставлено в тупик: с одной стороны, Бурнацком извещает о посылке комиссии для опроса населения, с другой — категорические заявления и действия по восстановлению станиц, угроза участия Мадаганова и Цанкирова и выезд за границу [2, л. 109].

Проходившее с 15 по 18 октября (28–31 октября н. с.) 1918 г. Оронгойское хошунное земское собрание постановило по этому вопросу: «Меры принудительного характера, предпринимаемые в вопросе о восстановлении бурятских станиц, несмотря на распоряжение главного начальника Приамурского военного округа атамана Семенова о разрешении этого вопроса в зависимости от результатов работы смешанной комиссии, не могут привести к благоприятным результатам в смысле водворения государственного порядка. ... Вопрос о восстановлении бурятских станиц должен быть разрешен свободно, без всякого внешнего принуждения и давления, самим бурятским казачьим населением» [2, л. 119]. 29 октября Селенгинская

аймачная земская управа также обращается в Бурнацком. Характеризуя политическое положение в аймаке, управа писала: «Едва население успело изжить августовские насилия, грабежи и всякие беззакония со стороны прошедшей через Оронгойский, Селенгинский, Читинский и Закаменский хошуны красной саранчи — отрядов Красной Армии — и приступили к запоздавшему сенокосу и уборке хлебов ... как новое непостижимое насилие нагрянуло на лояльный мирный бурятский народ нашего аймака».

Правда, в обращении не приводится ни одного факта грабежа и насилия со стороны отрядов Красной Армии. Может быть, сказались в таком упоминании и конъюнктуры — учет смены власти. В то же время говорилось, что в условиях новой власти, вопреки резолюциям областной земской управы, казачьего съезда, на основании приказа главного начальника Приамурского военного округа Семенова атаман 1-го военного отдела «насиленно, штыками загоняет их (бывших бурят-казаков) обратно в станицы, не дожидаясь даже назначенной высшими властями смешанной комиссии для опроса населения по казачьему вопросу». Это обстоятельство «создает недоразумения во взаимоотношениях казаков и не казаков, население всецело отстаивает свои хошуны и аймак».

Далее в обращении говорилось: «По частным сведениям, не только бывшие казаки, но и инородцы, видя и испытывая ужасы нашествия казакманов, готовы все побросать и укочевать в поисках новой родины, так как родное Забайкалье становится для них мачехой, терпели иго большевиков, избавились от него, но, говорят, попали из огня да в полымя» [2, л. 109, 110]. Так, по словам авторов, свержение Советской власти и установление диктатуры Семенова и белогвардейцев не дало ничего для трудящихся бурят. Более того, возросла угроза массовой эмиграции бурят Селенгинского аймака в Монголию.

Долгожданная смешанная комиссия по бурятскому казачьему вопросу, наконец, прибыла в Троицкосавск в конце декабря 1918 г. Однако, как указывали в специальной докладной записке в народную Думу бурят-

монголов Восточной Сибири 4 января 1919 г. участники смешанной комиссии — член Бурнацкома Нанзат Ирдынеев и председатель Селенгинской аймачной Думы Бато Айсуюев, атаман 1-го военного отдела Толстихин предпринял меры по срыву работы комиссии. Он предупредил бурят-казаков, что если они пожелают перейти в хошуны, то должны нести только пехотную службу, хотя казаки все были конные, и что они лишаются своих наделов, которые должны стать достоянием Забайкальского казачьего войска.

Одновременно с такой угрозой в адрес казаков-бурят Толстихин распустил в Троицкосавске различные недостоверные слухи о якобы аресте походного атамана Семенова, о новом назначении Толстихина, в связи с чем он, мол, не может выехать в станицы в составе комиссии и т. д. [1, л. 16].

Как бы то ни было, работа смешанной комиссии была сорвана, и не по вине бурятской ее части, а надежда бурят-казаков на долгожданное удовлетворительное решение их вопроса не оправдалась. Во всей этой истории с комиссией, с попыткой якобы решения вопроса о бурятском казачестве наглядно проявилось с самого начала не только нежелание самого Семенова и его подчиненных решить вопрос о переходе бурят-казаков в земство, но и прямое противодействие этому.

Между тем, по данным Селенгинской аймачной Думы на 1 мая 1919 г., по приговорам самих казаков перешли в хошуны: в Харьянской станице — 445 дворов из 488, в Янгажинской — 308 из 361, в Боргойской — все 517 дворов, в Гигетуйской — все 849 дворов [1, л. 216].

В мае 1919 г. на 3-м Забайкальском Войсковом круге представители бурят-казаков Селенгинского аймака сделали доклад, в котором рассказали об истории вопроса о выходе бурятских казаков из казачьего сословия, о срыве не по вине бурят работы смешанной комиссии по опросу населения по этому вопросу. В докладе ставился вопрос об изыскании Войсковым правительством, походным атаманом и Бурятской народной Думой способа «мирного, безболезненного

разрешения вопроса о самоуправлении бурят-казаков с предварительной посылкой смешанной комиссии для опроса населения и детального выяснения вопроса на местах» [1, л. 224, 225].

Несмотря на это, 30 мая 1919 г. на 3-м войсковом круге Забайкальского казачьего войска по бурятскому вопросу была вынесена резолюция, обвинявшая ушедших из станиц бурятских казаков по многим вопросам.

В постановлении 3-го войскового круга содержались требования к бурятам-казакам, вышедшим из казачьего сословия, «очистить земли войска» к 1 июля (в противном случае они облагались арендной платой), уплатить все прежние недоимки, немедленно вернуть войсковое имущество, а вообще, оставить решение этого вопроса до некоего Учредительного собрания и окончания войны [1, л. 232, 233]. По этому поводу буряты-казаки Селенгинского аймака сделали официальное заявление по пунктам обвинения.

В нем говорилось, что бурятские казаки не повинны в нарушении решений 2-го казачьего съезда по данному вопросу, равным образом и в разгоне Учредительного собрания, призванного решить его. Отвергалось и обвинение в нанесении материального ущерба в связи с уходом из казачества. Отрицалось также обвинение бурят-казаков в уклонении от воинской службы. Отвергая требование круга о выселении бурят-казаков с их земель, авторы заявления решительно утверждали, что их предки, «переходя добровольно в казачье сословие, не переселялись на земли Забайкальского войска, а жили на землях, находившихся в их пользовании», и что «было бы величайшей несправедливостью по отношению к нам выселять нас за то, что наши предки добросовестно несли казачью службу в течение десятков и сотен лет, принося посильную помощь Российскому государству». Заявление требовало отменить пункты постановления от 30 мая, ущемляющие права бурят-казаков [1, л. 221].

Таким образом, в центре политической жизни в Селенгинском аймаке в 1918–1919 гг. находился вопрос о земстве, о судьбе бурятского казачества. Вопрос об объединении

бурят — казаков и не казаков возник после Февральской революции, он решался и в основном был решен после Октябрьской революции. Правда, в этом вопросе имелись определенные нюансы. Часть казаков выступала не только против казачьего сословия, но и против органов бурятского национального самоуправления в лице аймачных и хошунных земств, в поддержку Советской власти. Было бы неправильным утверждать, что заявления казаков-бурят о поддержке Советской власти диктовались только конъюнктурными соображениями междоусобной борьбы казаков со своими противниками из национальных земств. Факты говорят о настоящей поддержке трудовыми казаками Советской власти [4, с. 234–236].

После временного свержения Советской власти в Забайкалье летом 1918 г. этот вопрос вновь был поднят сторонниками семеновского режима, стремившимися восстановить среди бурят казачьи станицы. Однако эта затея встречала довольно сильное сопротивление со стороны основных масс казачества. Такими действиями атаман Г. Семенов преследовал одну, самую главную цель — настроить бурятское казачество против Советской власти. Подобные действия семеновской администрации также приводили бурят к выводу о том, что им не дожидаться государственного оформления от атамана Г. Семенова.

В то же время, нельзя сказать, что селенгинские буряты целиком поддерживали народную Думу, аймачные и хошунные органы власти в период господства семеновщины. Было немало случаев, когда они отказывали в поддержке этой власти. Есть свидетельства о несогласии бурят-казаков находиться в хошунах, которое они проявляли прямо и агрессивно. При прямом поощрении семеновской администрации они объединялись в вооруженные отряды, осуществляли погромы хошунных администраций. Так, 9 марта (по старому стилю) около 60–70-ти вооруженных винтовками и пиками казаков из семи урочищ Боргойской станицы вместе с управляющим делами 1-го военного отдела Лесковым прибыли в Селенгин-

скую хошунную земскую управу и потребовали выдачи делопроизводства, имущества и денежных средств станичного правления. Их требование было удовлетворено. Со стороны казаков, как уведомяла аймак хошунная земская управа, «никаких оскорблений и вообще неприятностей не допущено». 6-го (19) марта группа верховых, вооруженных винтовками и шашками, казаков в количестве более 80 чел. прибыла на территорию Гусиноозерского дацана. Были заняты здания аймачной земской управы, милиции, квартира председателя управы Цыбиктарова, выставлены караулы на улицах. Казачий отряд возглавляли бывший атаман Дондок Абидуев, казаки Шишмарев, Базар Батуев и др. [5, с. 45–47].

В целом наиболее распространенной формой протеста со стороны широких масс бурятского населения против вовлечения в борьбу между разными, порой диаметрально противоположными политическими силами было всяческое уклонение от навязываемых повинностей и податей, от военной службы на стороне семеновцев, отказ от работы в земских органах.

Литература

1. Протоколы, приговоры, объяснительные и докладные записки о положении бурятского населения, телеграммы и переписка о положении казаков. 01.10.1918 – 10.03.1919: Народная дума бурят Восточной Сибири (Бурнардума), г. Чита. (20-24 нояб. 1918 – окт. 1920 г.) // ГАРБ (Гос. арх. Республики Бурятия). Ф. 305. Оп. 1. Д. 6. 298 л.

2. Протоколы земских управ, собраний, революционных советов Селенгинского уезда. 27.05.1918 – 22.12.1918. Центральный Бурятский Национальный Комитет (Бур-нацком), г. Чита, Забайкальская область // ГАРБ. Ф. Р- 483. Оп. 1. Д. 32. 252 л.

3. Протоколы съезда трудового народа Прибайкалья, общих собраний граждан о захвате земель, поджоге, убийствах. 2.01.1918 г. Центральный Бурятский Национальный Комитет. (Бур-нацком), г. Чита, Забайкальская область // ГАРБ. Ф. Р - 483. Оп. 1. Д. 44. 154 л.

4. Батуев Б.Б. Партия большевиков - организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1971. 262 с.

5. Батуева И. Б. Селенгинский аймак в период установления Советской власти // Тармахановские чтения - I: Российская революция 1917 г.: материалы всерос. науч. конф. / Бур. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2017. С. 44-50.